

А.А. Бокщанин

ИВ РАН

Правительницы Китая

Китайская общественно-политическая традиция была ориентирована исключительно на мужчин. Более того, всякое вмешательство женщин в политические дела, не говоря уже об управлении какой-либо административной областью или страной, не предусматривалось в принципе. Лицам, причастным к власти, предписывалось остерегаться влияния со стороны близких им женщин, ибо это, по традиционным представлениям, могло привести лишь к несчастьям. И тем не менее, в истории Китая можно найти целый ряд случаев, когда женщины оказывали немалое влияние на государственные дела и даже оказывались у кормила власти.

В этом плане интересно отметить, что среди мифических героев древности встречается персонаж женского рода – Нюй-гуа (или Нюй-ва). Ей приписывается не больше, не меньше, чем капитальный ремонт Неба и Земли после нарушения порядка во Вселенной из-за борьбы других мифических героев. Она, спасая людей, заделала расплавленными камнями отверзшиеся в Небе пробоины, подперла углы небосвода отрубленными ею ногами огромной черепахи, убила творившего на Земле зло чёрного дракона, изгнала досаждавших людям хищных зверей и птиц, преградила дорогу надвигавшемуся потоку кучами пепла от сожжённого ею тростника (см. [5, с. 62–63]). Именно Нюй-гуа приписывается и само создание рода людского: она вылепила людей из глины по своему образу и подобию, сидя на берегу пруда и глядя на своё отражение в воде. По другой, менее чудодейственной версии, людской род пошёл от её брака с Фу-си (см. подробнее: [5, с. 46, 59]).

Другая версия мифа о Нюй-гуа изображает её как правительницу, действовавшую после смерти её мужа/брата, правителя Фу-си. Вот как звучит эта легенда в изложении жившего в VIII в. учёного Сыма Чжэня, написавшего дополнение к классическому труду древнекитайского историка Сыма Цяня «Исторические записки» (Ши цзи): «Нюй-гуа носила фамилию Фэн. [Она] имела тело змеи и голову человека. [Она] обладала

священными совершенными добродетелями. [Она] вступила на престол, сменив Фу-си... [Она] ничего не изменила и не сотворила нового... Заслуги её были высоки и поэтому её включили в число Трёх [почитаемых] властителей» [1, т. I, с. 346]. Некоторое противоречие между ничегонеделанием правительницы и её «высокими заслугами» имеет своё объяснение. В заслугу Нюй-гуа ставилось восстановление и тем самым сохранение того благодного положения, которое было до разрушения порядка во Вселенной: «И тогда (т.е. в результате её действий. – А.Б.) Земля стала ровной, Небо целым и прежний порядок вещей не изменился» [1, т. I, с. 346]. Этот миф свидетельствует, что всё же в какой-то степени китайская традиция допускала возможность властвования женщины.

Первой не мифической, вполне реальной правительницей Китая стала императрица Люй-хоу – жена основателя династии Хань Лю Бана (императора Гао-цзу, 202–195 гг. до н.э.). Она захватила власть после смерти мужа, и, не принимая императорского титула, первоначально правила «от имени» получившего престол наследника – её сына Сяохуй-ди.

Он был возведён на престол именно усилиями императрицы Люй-хоу, поскольку основатель династии намеревался сделать наследником своего сына от любимой наложницы Ци, а это сделало практически неизбежным и её собственный приход к реальной власти. Будучи женой Лю Бана ещё до его воцарения, она активно помогала мужу в борьбе за престол и в деле «собрания» раздираемой междоусобицами страны под свою власть. Отсюда отнюдь не случайным выглядит замечание Сыма Цяня, что «император Гао-ди (он же Гао-цзу. – А.Б.) и императрица Люй-хоу совместно утвердили Поднебесную» [1, т. II, с. 214]. После же смерти Сяохуй-ди в 188 г. до н.э., реальная власть императрицы признавалась всеми вполне открыто. Сыма Цянь обрисовывает сложившуюся тогда ситуацию следующим образом: «Наследник престола занял трон и был объявлен императором... На первом году его правления все указы и распоряжения стали исходить от вдовствующей императрицы... Вдовствующая императрица Люй, используя своё высокое положение... захватила власть и правила единолично» [1, т. II, с. 204, 222].

В 184 г. императрица Люй-хоу решила избавиться от номинально правившего императора, посчитав его покорность сомнительной, поскольку кроме покойного Сяохуй-ди у неё не было сыновей, и упомянутый правитель не был связан с ней узами родства. Она, как повествует летопись, «низложила и убила его» [1, т. II, с. 207], возведя на престол следующую марионетку. С тех пор, как свидетельствует Сыма Цянь, «счёт годам правления [нового императора] не вёлся, так как делами Поднебесной правила вдовствующая императрица» [1, т. II, с. 207–208]. Летописание, которое велось в Китае по годам правящего императора, стало, как явствует из текста Сыма Цяня, вестись по годам правления Люй-хоу. И вся глава, описывающая то время в его труде, получила заглавие «Основные записи о деяниях императрицы Люй-хоу» (см. [1, т. II т. 2, с. 200–220])

Эта глава содержит бесконечные описания интриг, сопровождавших то скрытую, то открытую борьбу между кланом Люй (родичами императрицы) и противодействовавшими их возвышению кланами, которые

были причастны к власти прежде. При этом даётся весьма негативная оценка её царствования: «После кончины Сяохуй-ди императрица Гао-хоу (т.е. Люй-хоу. – А.Б.) стала управлять делами, но, будучи в преклонном возрасте, [всячески] потворствовала членам рода Люй, самолично низложила императора и поставила на его место другого. Кроме того, убила одного за другим трёх *ванов* (князей. – А.Б.) во [владении] Чжао (т.е. сыновей основателя династии. – А.Б.). Она уничтожила владельцев [уделов] Лян, Чжао и Янь, чтобы поставить там у власти членов рода Люй, [а также] раздробила владение Ци на четыре части. Когда же верные слуги престола выступили с увещаниями, императрица, разум которой помутился, не слушала их» [1, т. II, с. 212–213].

Однако в своём личном, авторском заключении о периоде правления императрицы Люй, Сыма Цянь даёт совершенно иную и весьма положительную оценку результатов её царствования: «Во времена правления императора Сяохуй-ди и императрицы Гао-хоу простой народ смог избавиться от тягот [предшествующего] периода Воюющих царств (Чжаньго, 403–222 гг. до н.э.). Правители и подданные вместе стремились к отдыху [от невзгод] и [воплощению в жизнь принципа] надежды (когда всё идёт нужным порядком без особых усилий. – А.Б.). Именно поэтому император [Сяо]хуй-ди сидел, сложа руки, а правительница Гао-хоу осуществляла управление за него. И, хотя она правила, не выходя из дворцовых покоев, Поднебесная была спокойна. Всякого рода наказания применялись редко, преступников было мало. Народ усердно занимался хлебопашеством, одежды и пищи было вдоволь» [1, т. II, с. 220]. Положительную оценку внутривластического курса, проводившегося нашей героиней, можно найти и у современных китайских историков. Например, Ян Цзяньюй отмечает, что она придерживалась традиционно восхваляемого ортодоксальной идеологией принципа: «уделять главное внимание сельскому хозяйству и сдерживать торговлю», а также осуществляла различные меры по оказанию помощи народу (см. [7, с. 155]).

Следующий случай прихода женщины к власти наблюдается в истории династии Цзинь (265–420 гг.), когда управление страной попало в руки императрицы Цзя-хоу (256–300 гг.). Её звали Цзя Нань-фэн. Она была дочерью одного из крупных вельмож при цзиньском дворе и стала наложницей наследника престола Сыма Чжуна. Когда в 290 г. он унаследовал трон, то сделал её своей императрицей. В китайских летописях есть сведения, что новый правитель оказался слабоумным, но современные исследователи склонны сомневаться в этом (см. [7, с. 227]). Так или иначе, но он не смог успокоить начавшиеся в стране вооружённые мятежи, и к управлению подключилась его мать и дед из рода Ян. С другой стороны, императрица Цзя стала пытаться прибрать к рукам государственные дела. С помощью одного из сородичей императора она умертвила обоих соперников, а затем в середине 291 г. убила и этого сородича вместе с целым рядом других высокопоставленных лиц из числа императорской родни. Фактическая власть в стране перешла полностью в её руки. Именно эти кровавые события, как полагают китайские историки, послужили

причиной начала длительной междоусобной борьбы в империи Цзинь, получившей наименование «мятежа восьми князей» (см. [7, с. 227]).

Здесь можно усомниться, ибо военные мятежи, как отмечалось, начались в стране ещё во время прихода к власти Сыма Чжуна (императора Хуй-ди), и возникновение их было предопределено тем, что Сыма Янь, основатель династии Цзинь, раздал уделы своим многочисленным родичам.

Что же касается неразборчивости в средствах, избранных императрицей Цзя для своего возвышения, то это, конечно, сказалось на её авторитете и послужило причиной предельно негативной оценки её правления в анналах истории. Последнее характеризуется как «узурпаторское». Ей приписывается безудержное пьянство и разврат, которым она предавалась вместе со своей матерью, а также мздоимство и произвол, что в совокупности привело к «погружению всей политики во мрак». В начале 300-х гг. по её приказу был отравлен наследник престола. Это переполнило чашу терпения оставшихся в живых сородичей императора из рода Сыма, и один из них двинул свои войска на столицу, схватил императрицу Цзя, низвёл её в простолупины, посадил под арест и вскоре отравил (см. [7, с. 229]).

Возможно, в оценке жизни и деятельности императрицы Цзя летописцы несколько сгустили краски. Каким-то оправданием для неё может служить та ситуация, которая, как упоминалось выше, сложилась тогда в Китае отнюдь не только по её вине. В течение всех 90-х гг. III в. в империи Цзинь шла жестокая междоусобная борьба, сопровождавшаяся придворными и аристократическими интригами, заговорами и убийствами. Поэтому можно сказать, что Цзя действовала вполне в духе своего времени.

Во второй половине V в. в империи Северная Вэй управлявшейся правителями из народности тоба, власть вновь оказалась в руках женщины-императрицы Фэн. Её деятельность уже освещалась нами в специальном докладе на XXXIV конференции «Общество и государство в Китае», поэтому лишь отметим, что находясь у кормила правления, императрица Фэн стала последовательно осуществлять курс на восстановление в стране китайских образцов и порядков, постепенно изживая тобгачские традиции.

Во второй половине VII в. престол снова оказался в руках женщины – одной из самых известных в истории Китая правительниц У Цзэтянь (624–705). Она происходила из семьи состоятельного торговца древесиной, жившего в городе Вэньшуй (совр. пров. Шэньси). Её мать была в дальнем родстве с недавно свергнутой династией Тан (618–907) и отец стал одним из высоких сановников при новой власти. Когда У Цзэтянь достигла 14 лет, её заметил и «приблизил» пришедший к власти в 627 г. император Тай-цзун. После его смерти в 649 г. она, как и все прочие императорские наложницы, была вынуждена уйти в буддийский монастырь Ганье. Но ещё раньше она была замечена сыном и наследником прежнего владыки императором Гао-цзуном. В 654 г. он вытребовал её из монастыря, сделав своей фавориткой. Её интересы пришли в столкновение с интересами соперницы – законной императрицы Ван-хуанхоу. И уже через год, в 655 г., У Цзэтянь добилась своего: императрица была лишена своего титула, и он перешёл к бывшей фаворитке.

Пользуясь плохим здоровьем императора, новая императрица начала постепенно прибирать к рукам государственные дела. Это встретило противодействие со стороны ряда высокопоставленных сановников и поддерживающей их знати северо-западных районов страны. Но, найдя поддержку в кругах аристократических кланов востока и юго-востока страны, она взяла верх над оппозицией, и к 661 г. захватила практически полный контроль над аппаратом государственного управления. Её победа во внутренней борьбе была отнюдь не случайной, ибо последующая историческая традиция описывает её как женщину твёрдую, волевою, умную и расчётливую. В 674 г. она закрепила своё положение, сменив титул и назвавшись «Небесной императрицей», на основании чего предписала именовать себя вместе с супругом «двумя государями» [6, с. 466]. По образному выражению К.А. Харнского, муж при ней исполнял лишь функцию «граммофона» [4, с. 140].

После смерти Гао-цзуна в 683 г. реальная власть оставалась в её руках, но Чжун-цзуна, получившего по наследству престол императора, это не устраивало. Он попытался изменить ситуацию в свою пользу, однако был немедленно разжалован из императора в князя (*ван*) и сослан в провинцию. На престол был посажен следующий марионеточный правитель – Жуй-цзун. Он не делал попыток отстранить У Цзэтянь, но со временем её самоё перестало устраивать занимаемое ею «теневое» положение. В 690 г. она сместила Жуй-цзуна с престола и провозгласила себя «императором» – основателем новой династии Чжоу. Все эти действия, естественно, встретили сопротивление определённой части сановников и военных. В 684–688 гг. ей пришлось усмирять вспыхнувшие военные бунты (список казнённых ею высокопоставленных сановников насчитывает более 20 имён), но ей удавалось подавлять недовольство и удерживать власть.

Передают, что для смягчения недовольства придворных чинов самим фактом появления императора-женщины, она поначалу появлялась на официальных приемах с подвязанной бородой (см. [4, с. 164]). Возможно, это лишь легенда, но сама по себе идея подобного поведения встречалась в мировой политической практике: древнеегипетская царица Хатшепсут (1525–1503 гг. до н.э.), которая, отстранив правителей, объявила себя фараоном, также изображалась с бородой на открытых археологами каменных барельефах.

Для поднятия своего авторитета У Цзэтянь объявила себя Майтреей – воплощением ещё не рождённого Будды, а своих придворных дам – бодхисатвами, т.е. людьми, достигшими высшей (исключая самого Будду) степени просветления. Вообще она всячески покровительствовала буддизму и даосизму. И здесь сказался не только её опыт пребывания в буддийском монастыре. Она искала в многочисленных в то время монастырях и широком слое буддийских и даоских монахов идеологической и политической поддержки своей власти. Кроме того, это оказывалось полезным и для нужд практикуемой ею завоевательной политики в Центральной Азии, где буддизм являлся преобладающим вероучением. При этом отнюдь не ущемлялось и конфуцианство. При ней была усовершенствована система

экзаменационных испытаний для продвижения чиновников по служебной лестнице, которая требовала знания классических конфуцианских канонов.

У Цзэтянь продолжала активную внешнюю политику, проводившуюся первыми императорами из династии Тан. Было совершено несколько походов в Корею, в результате чего в 668 г. на севере страны было учреждено китайское военное наместничество. В целом успешные для Китая боевые действия велись против Восточного и Западного тюркских каганатов. В отвоеванных районах Западного Края (Центральной Азии) также организовывались китайские военные губернаторства. Упорные войны велись и с тибетцами, которые к началу 90-х гг. VII в. были потеснены китайскими войсками. Посольства и религиозные миссии направлялись сухопутными и морскими путями в Индию. Было закреплено китайское господство во Вьетнаме. В общем и целом, империя Тан, переименованная, как отмечалось, в Чжоу, в течение достаточно долгих лет реального правления У Цзэтянь продолжала находиться на стадии расцвета своей политической мощи, экономики и культуры, начавшегося ещё при её предшественниках.

В 705 г., когда правительнице исполнился 81 год, её железная хватка стала ослабевать. Этим не преминули воспользоваться её скрытые противники. Группа заговорщиков, которую возглавляли канцлеры (два первых лица после императора в государстве) и главнокомандующий войсками устроили дворцовый переворот. У Цзэтянь заставили отречься от престола и передать власть её сыну и наследнику Чжун-цзуну. Была восстановлена династия Тан. Вскоре, в том же году, У Цзэтянь умерла и была похоронена рядом с могилой своего мужа и прахом прежних императоров из династии Тан.

Пример У Цзэтянь подтолкнул к захвату власти ещё одну представительницу слабого пола – императрицу Вэй-хоу (?–710). Она была уроженкой столицы – города Чанъань, и стала наложницей императора Чжун-цзуна (656–710), взойшедшего на престол после У Цзэтянь. Воцарившись, он сделал её императрицей и, более того, разрешил ей принимать участие в политических делах. Она в сообществе с несколькими своими родичами быстро приобрела весомую власть и стала по своему усмотрению убивать и казнить людей, в том числе крупных и авторитетных сановников. В своих устремлениях она явно намеревалась подражать У Цзэтянь, но, очевидно, ей не хватало расчетливости и умения покойной императрицы. Вэй-хоу раздавала титулы за деньги придворным дамам, сгоняла на строительство храмов множество людей и даже умертвила наследника престола. Затем, очевидно, рассчитывая получить всю полноту власти, в середине 710 г. отравила Чжун-цзуна и возвела на престол его младшего сына Шан-ди. Но прочие императорские родичи не смирились с этим. Началась вооружённая борьба за престол. Один из них – Ли Лунцзи (внук Гао-цзуна по одной из младших линий родства) ввёл в столицу войска и убил императрицу Вэй-хоу. В том же 710 г. погиб от рук другого отпрыска царствующего рода и Шан-ди (см. [7, с. 511–513]). На престоле на долгие годы закрепился Ли Лунцзи – император Сюань-цзун (685–762).

Следующий зафиксированный в китайских летописях случай прихода женщины к высшей власти относится к концу XI в. После смерти императора Шэнь-цзуна (1048–1085) из династии Сун (960–1279), престол унаследовал его восьмилетний сын, а практическое руководство страной перешло к императрице Гао-тайхоу (1032–1093) – матери покойного монарха. Она происходила из самых крупных сановников, и её свояченица была императрицей – женой Жэнь-цзуна (1010–1063). Ещё до своего прихода к власти она активно включилась в острую внутреннюю борьбу по поводу реформ, проводившихся в то время по инициативе Ван Аньши и его сторонников. Её симпатии были на стороне противников реформ, и она вкуче с другими императорскими родичами добилась отставки Ван Аньши и постепенного восстановления прежних порядков. Во внешней политике она придерживалась тактики уступок теснившим империю соседям и передала ряд территорий на северо-западе тангутскому государству Западное Ся. Умерла в 1093 г. в столице – городе Кайфэне своей смертью (см. [7, с. 731]).

В один из трудных моментов китайской истории, когда империя Сун (вернее, Южная Сун, поскольку в её распоряжении оставались лишь южные районы страны) доживала последние годы под ударами монгольских завоевателей, высшая власть вновь оказалась в женских руках. В 1274 г., когда умер император Ду-цзун, его наследнику было всего три года. Поэтому управление перешло к его бабке – императрице Се Тайхоу (1210–1283). Её собственное имя было Се Даоцин. Она происходила из современной провинции Чжэцзян, была матерью скончавшегося Ду-цзуна и императрицей при его приемном отце Ли-цзуне (1204–1205). В это время китайские войска потерпели очередное поражение от наступавших монголов, которые уже овладели большей частью страны и провозгласили здесь свою империю – Юань (1271–1368) со столицей в Пекине (Даду). Императрица отправляла к монгольскому командованию посланцев с грамотами, прося пощады. В начале 1276 г. ей вместе с мальчиком-императором пришлось сдаться монголам на милость победителя. В том же году она была отправлена в Пекин к хану Хубилаю, принявшему титул китайского императора. Здесь они были милостиво приняты и даже получили из его рук титулы знатности. Умерла бывшая императрица своей смертью в 1283 г. (см. [7, с. 755]).

Конец монархической формы правления в Китае также оказался сопряжён с нахождением женщины у кормила правления. После смерти в ноябре 1861 г. императора Вэнь-цзуна, правившего под девизом Сянь-фэн (1851–1861), его наложница и мать наследника престола Цыси (Ехенара – маньчжурка по происхождению, 1834–1908) вместе с императрицей Сяо Чжэнь совершили государственный переворот. Они арестовали членов существовавшего тогда при императоре Регентского совета, казнили его главу Су Шуня и образовали совместное регентство, получившее название «заслушивание докладов о государственных делах из-за опущенных занавесок». Такая «отгороженность» объясняется тем, что смотреть на жён императора никому не полагалось. Соответственно избранный для

нового императора девиз правления (*Тунчжи*) означал в переводе «Совместное правление». Но императрица Сяо Чжэнь предпочитала не заниматься государственными делами, полностью передоверив их Цыси. «Совместность» её правления с сыном-императором тоже была лишь формальным прикрытием её власти. Правда, на первых порах она передала часть властных полномочий князю (*вану*) Гуну, получившему титул «Князя-советника по государственным делам», но в 1865 г. отстранила его и стала решать все дела единолично, с участием ограниченного круга чиновников, которым она доверяла.

После смерти императора в 1874 г. Цыси возвела на престол своего племянника, правившего под девизом Гуан-сюй (1875–1908). Ему к тому времени было всего три года, поэтому её регентство осталось неизменным. В 1886 г., когда император повзрослел, она объявила, что передаёт ему власть. Но «по просьбе сановников» и «прислушиваясь к мнению народа», «согласилась» оставить за собой «политическую опеку». Это выражалось в предписании: «во всех вопросах следует испрашивать указаний императрицы, и только после этого всё необходимое представлять на доклад императору» [3, с. 387–388]. Затем в 1889 г. она объявила, что «удаляется от дел», чтобы император мог «править самолично». Но фактически по-прежнему окончательные решения зависели от неё. Отличие от прежнего выражалось лишь в том, что теперь сначала просматривал доклады и предложения император, а после того заслушивались указания Цыси (см. [3, с. 388–389]).

Но даже такая, почти номинальная раздвоенность власти породила образование в правящей верхушке двух противодействующих лагерей – «партии императора» и «партии императрицы». Их позиции по вопросам насущных политических дел часто приходили в столкновение. Например, вступать или не вступать в войну с Японией в 1894 г., проводить или не проводить демократические преобразования в 1898 г. и так далее. Последняя из названных проблем привела к резкому обострению отношений императрицы и императора, ибо монарх склонялся к поддержке реформаторов, а окружение Цыси выступило категорически против. В результате, в сентябре 1898 г. Цыси вновь вернулась к единоличной власти, посадив императора фактически под домашний арест в одной из дворцовых палат и разгромив императорский стан.

Почти пятидесятилетнее правление императрицы Цыси и её выдвиженцев и приспешников обычно расценивается как однозначно реакционное, а сама она характеризуется как властолюбивая и жестокая интриганка. Безусловно, в этом есть доля правды. Но, думается, оценивая её правление, следует учитывать и ту общую ситуацию, в которой оказался Китай в конце XIX в. Ставшая очевидной к тому времени технико-экономическая отсталость Китайской империи от европейских держав, вкупе с США и Японией вставших на путь колониальных захватов, сделала неминуемой постоянную сдачу позиций и поражение Китая в противостоянии с ними. И здесь следует отметить, что правительство Цыси не только шло по капитулянтскому пути, но вместе с тем проводило в 60-х – 90-х гг. XIX в.

политику «самоусиления» – модернизации промышленного производства и вооружённых сил, что имело целью накопление сил для достойного сопротивления в дальнейшем внешнему напору. Разгромив реформаторов и демократический лагерь в 1898–99 гг., оно в начале XX века всё же взяло курс на существенные политические и общественные преобразования, получившие наименование «новой политики». Но всё же эти усилия оказались слишком поздними и не смогли спасти действительно изживавшую себя императорскую власть.

Чувствуя приближение смерти, Цыси в 1908 г. отравила императора и в том же году скончалась. На престоле оказался младенец-правнук императора, правившего страной в 1820–1850 гг. – Пу И (1906–1967). Регентство захватила жена отравленного монарха – императрица Лунной-тайхоу (1868–1913). Она продолжила курс «новой политики», но в то же время допустила увеличение налогового бремени, что вызвало крестьянские бунты; игнорируя протесты, передала железные дороги иностранным компаниям; выдвигала на министерские посты своих маньчжурских родственников, затирая китайцев; затягивала назревшее к тому времени принятие конституции; прибегала к военным методам подавления сопротивления (см. [7, с. 965–966]). Всё это вызывало недовольство как в правящих кругах, так и в широких слоях населения. В результате в октябре 1911 г. в стране вспыхнула революция, и в феврале 1912 г. китайская монархия пала.

Следует также отметить, что влияние женщин на политические дела в Китае не исчерпывалось случаями их непосредственного (номинального или же реального) прихода к власти. Иногда оно проявлялось без какого-либо официального оформления. Например, известно, что значительное влияние на основателя династии Мин (1368–1644) Чжу Юаньчжана (1328–1398) оказывала его первая жена – императрица Ма. Она помогала ему в рассмотрении государственных дел и, как могла, смягчала его жестокий нрав (см. [2, с. 225–226]). Однако подобное влияние, как правило, оставалось не известным составителям китайских летописных сочинений и потому во многих случаях его можно предполагать только гипотетически. В этом плане хотелось бы закончить данное повествование примером Цзян Цин – жены и соратницы Мао Цзэдуна в последние годы его жизни, активность которой в так называемой культурной революции широко известна.

Литература

1. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. М., 1972. Т. II, М., 1975.
2. *У Хань*. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980.
3. *Фань Вэньлань*. Новая история Китая. М., 1955.
4. *Харнский К.* Китай с древнейших времён до наших дней. Хабаровск–Владивосток, 1927.
5. *Юань Кэ*. Мифы древнего Китая, М., 1965.
6. *Тан Чанжу*. Суй, Тан, Удай ши (История династий Суй, Тан и Пяти династий). Пекин–Шанхай, 1988.
7. *Ян Цзяньюй*. Чжунго лидай ди ван лу (Записки о китайских императорах и государях различных эпох). Шанхай, 1989.